
ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

УСЕАГУЛЬНАЯ ГІСТОРЫЯ

WORLD HISTORY

УДК 94(37)+94(38)

СОЦИАЛЬНОЕ УСТРОЙСТВО ПОЛИСНЫХ ГОСУДАРСТВ ЕВРОПЕЙСКОЙ АНТИЧНОСТИ В КОНЦЕПЦИЯХ СОВЕТСКОГО И ПОСТСОВЕТСКОГО АНТИКОВЕДЕНИЯ (конец XX – начало XXI в.)

О. И. ХАНКЕВИЧ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассматриваются вопросы формирования первичных государств греко-римской классической Античности, особенности политической и социальной организации полиса и *civitas*, проявление общинных традиций в частной и общественной жизни полисного государства, способы интеграции греков и римлян в частные коллегии и союзы, сущность персональных отношений патроната – клиентелы и гостеприимства, а также религиозно-обрядовое и правовое оформление указанных институтов. Сделан вывод об историческом значении полисного государства, которое сохранило и развило общинные начала самоорганизации и самоуправления. Отмечается, что политико-правовые концепты Античности «демократия» и «республика» отразили эту идею народовластия в качестве основополагающего принципа жизнедеятельности греческого классического *полиса* и римской республиканской *civitas*.

Ключевые слова: первичное государство; *полис*; *civitas*; демократия; республика; магистратура; коллегия.

Образец цитирования:

Ханкевич О. И. Социальное устройство полисных государств европейской Античности в концепциях советского и постсоветского антиковедения (конец XX – начало XXI в.) // Часоп. Беларус. дзярж. ун-та. Гісторыя. 2017. № 4. С. 57–63.

For citation:

Khankevich O. I. The social structure of *polis* states of European Antiquity in the concepts of Soviet and post-Soviet antiquity studies (late XX – early XXI centuries). *J. Belarus. State Univ. Hist.* 2017. No. 4. P. 57–63 (in Russ.).

Автор:

Ольга Ивановна Ханкевич – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры истории древнего мира и средних веков исторического факультета.

Author:

Olga I. Khankevich, PhD (history), docent; associate professor at the department of Ancient and Medieval history, faculty of history.
olgakhankevich.bsu@gmail.com

THE SOCIAL STRUCTURE OF *POLIS* STATES OF EUROPEAN ANTIQUITY IN THE CONCEPTS OF SOVIET AND POST-SOVIET ANTIQUITY STUDIES (late XX – early XXI centuries)

O. I. KHANKEVICH^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article deals with the problems of formation of the primary states of Greco-Roman classical Antiquity, the peculiarities of political and social organization of *polis* and *civitas*, the manifestation of communal traditions in the private and public life of a *polis* state, the ways of integrating Greeks and Romans into private *collegium* and unions, the essence of interpersonal relationships of patronage, *clientela* and hospitality, religious and legal formalization of these private institutions. The author assesses the historical significance of the *polis* state, which preserved and developed the communal principles of self-organization and self-government. Ancient political and legal concepts «democracy» and «republic» expressed the idea of the rule of the people as the fundamental principle of the vital activity of the Greek classical *polis* and the Roman republican *civitas*.

Key words: primary state; *polis*; *civitas*; democracy; republic; magistracy; *collegium*.

Процесс возникновения и становления в разных регионах древней ойкумены государственности (политогенез) изначально осуществлялся в форме небольших по территории и численности населения урбанизированных центров, составлявших с окрестными сельскохозяйственными угодьями единое экономическое и политическое целое. Подобная модель раннего государства зафиксирована исследователями в Южной Месопотамии (IV–III тыс. до н. э.), Восточном Средиземноморье (III–II тыс. до н. э.), Юго-Восточной Европе (I тыс. до н. э.) и Мезоамерике (I тыс. н. э.). Формирование в каком-то регионе одного городского поселения влекло за собой появление другого. В итоге, по словам американского исследователя Э. Саутхолла, возникал «пучок равноуровневых политий» с идентичными органами управления, языком и письменностью, пантеоном богов и сказаний о них. Взаимодействие таких автономных и вместе с тем родственных общественных структур происходило «на основе принципов позитивных обратных связей» [1, с. 132]. Данную модель политогенеза, многократно повторившуюся в Старом и Новом Свете, современные ученые считают магистральным путем возникновения первичного государства. Востоковеды называют его номовым государством (греч. *nomos* – область), в антиковедении утвердился идущий от Аристотеля термин «полития» (греч. *polis* – город). Исследователи И. М. Дьяконов и В. А. Якобсон так определяют номовое государство: сама община и есть государство, функционировавшее на основе равенства его членов [2, с. 26]. Элементарная соседская община – форма объединения группы индивидуальных домохозяйств, жизнь которых строилась на принципах самоорганизации и уравнительного землепользования, – в догосударственную эпоху являлась, по словам В. А. Якобсона, «практически единственной формой политической организации свободного

населения и единственным средством обеспечения экономической взаимопомощи» [3, с. 15].

Принадлежность к коллективу равных по статусу людей выступала способом самоидентификации и членов вторичной, интегрированной, общины, что зафиксировано в клинописных документах Двуречья (Южная Месопотамия), где археологически изучено более десяти номовых политий. В разнообразных по характеру текстах встречается устойчивое понятие «человек города» в значении «полноправный член городской общины» – Урука, Ниппура, Лагаша, Эриду и т. п. В городах-государствах европейской Античности была выработана своя социальная лексика, полноправные общинники стали называться в них гражданами (греч. *polites*; лат. *cives*). Главная же особенность всех первичных государств заключалась в их уподоблении общине, что выразилось в сохранении и развитии общинных потестарных органов управления. С образованием централизованных территориальных держав начался процесс отчуждения от общины функций управления, а сама она стала превращаться в низовую административную и фискальную единицу. Однако выработанные в ходе естественной эволюции общинные потестарные институты также присутствовали (пусть и в урезанном виде) в развитых государствах древности. И если на Востоке община была деформирована многоступенчатыми государственными структурами, в городах-государствах европейской Античности она сохранялась «в химически чистом виде» – как сообщество равных по статусу людей [2, с. 26]. Греки называли такой коллектив равноправных людей *полисом*, римляне – *цивитас* (*civitas*), в современной науке они объединены понятиями «античная гражданская община» и «государство полисного типа». При этом собственно термин «государство» для обозначения сформировавшейся в Юго-Восточной Европе территориальной и политической общности

в письменных памятниках Античности отсутствующий. Суть этого понятия мыслители древности воплотили в учении о формах власти и той пользе, которую она несет своим подданным и гражданам. Так, Аристотель (IV в. до н. э.) к справедливым (в оригинале – правильным) формам власти, существующим ради общего блага, относил монархию, аристократию и демократию, которую он назвал *политией*. Перерождаясь, монархия становится тиранией, аристократия – олигархией, а демократия – охлократией, т. е. властью толпы, по своему произволу устанавливающей общественный порядок (Аристотель. Политика, III, 5) [4]. В мировом антиковедении для обозначения полисной общины-государства используется английское выражение *face-to-face society*. Город и в данном случае выполнял функции политического, административного и культового центра, являясь вместе с тем средоточием ремесла и совокупного материального продукта. Рост товарности производства и активная морская торговля в бассейне Средиземноморья привели к утверждению в европейских городах-государствах частнособственнических отношений и рыночной формы хозяйства, на страже которых стояли, по замечанию Л. С. Васильева, «вся структура полисов и выработанная в них система частного права» [5, с. 104].

Город – нелинейная среда расселения и коммуникации людей. Территориальный фактор становится в нем ведущим, перекрывая прежние родовые и племенные связи. Это способствовало концентрации политической жизни в рамках гражданского коллектива при сохранении традиционных для общины форм самоорганизации и самоуправления, что и является изначальной сущностью политико-правовых концептов «демократия» (греч. *δημοκρατία*) и «республика» (лат. *res publica*), в основе которых лежит идея народовластия в качестве базового политического принципа. Однако собирательное понятие «народ» (греч. *demos, laos*; лат. *plebs, populus*) древние авторы относили только к полноправным членам полиса и *civitas* – носителям гражданского статуса. И хотя степень демократичности афинского полиса, олигархической Спарты и аристократической римской *civitas* была разной, всех их роднит выборная и коллегиальная форма власти, а также то, что их социальную базу составляли политически равноправные и юридически полноправные граждане-общинники.

Сохранялась в полисном государстве и характерная для общины трехчастная система управления: народное собрание, совет старейшин в качестве правительственного органа (*Совет пятисот* в Афинах, *герусия* в Спарте, *сенат* в Риме) и ежегодно переизбираемые должностные лица – носители исполнительной власти (*архонты* (греч.), *магистраты* (лат.)). Народное собрание (*эκκλησία*,

апелла и *комиции* соответственно) как главный законодательный и избирательный орган выражало коллективное мнение граждан, обязанных лично участвовать в голосовании (прямая демократия, прямое народоправство). Термин «гражданин», отражающий политико-правовую ипостась личности, определяется в современном праве через принадлежность человека к конкретному государству. Специфическим проявлением данного статуса в Античности стало то, что гражданами в полисе и *civitas* являлись только лица мужского пола, участвовавшие в ополчении и владевшие на территории своей общины земельным наделом (основой производства и состояния в эпоху древности служила земля, а также ее обработка). В контексте древнеримских социальных и правовых реалий слово «гражданин» обозначало и политического, и частного человека, т. е. под ним подразумевался как член общины полноправных и свободных римлян (лат. *civitas*), так и субъект внутреннего права этой общины. Данным обстоятельством и объясняется наличие у *ius civile* второго названия – *ius privatum*. Благодаря рецепции латинское название «гражданское право» вошло в международную юридическую лексику (цивильное право, гражданского).

Непосредственное участие всех граждан в общественной и политической жизни, формирование из их числа ополченческого войска и подотчетных народному собранию органов управления обусловили, по наблюдению Г. С. Кнабе, отсутствие в полисе и *civitas* «отчужденной от повседневного существования граждан, от их непосредственных интересов» государственной сферы. Политика носила в тех исторических условиях не персональный, а групповой характер, воплощаясь, по словам этого ученого, «в прямых, внятных каждому, очевидно мотивированных формах» [6, с. 15–16]. Постоянного аппарата управления со специализированными ведомствами в полисном государстве не было, исполнительная власть принадлежала коллегиям выборных должностных лиц, избиравшимся из числа граждан. В Римской республике исполнение магистратур не оплачивалось, что позволяло представителям нобилитета регулярно выдвигать из своей среды кандидатов на высшие должности претора и консула. В Афинах же должностной оклад архонта приравнивался к заработку ремесленника, хотя требовал немалых денежных затрат и личных усилий. Это делало государственную службу недоступной людям, вынужденным своим трудом добывать средства к существованию. Поэтому при отсутствии в полисе и *civitas* социального и имущественного ценза в магистратские коллегии обычно избирались состоятельные граждане. Механизм действия такой коллективной власти опирался на принцип консенсуса: если одного из членов

решение по каким-либо причинам не устраивало, он блокировал его словом *veto* («я протестую»).

Еще одна особенность общественного устройства античных политий связана с формами интеграции и коммуникации их населения, способами регулирования личностно-гражданственной сферы взаимодействия. По мнению В. А. Якобсона, не следует сводить государство к механизму функционирования его институтов и учреждений и забывать о том, что «государство – это прежде всего люди, определенным образом организованный человеческий коллектив» [7, с. 75]. В городской общине, ставшей структурообразующей основой не только полисного государства, но и всех крупных держав Античности, преобладали горизонтальные, партнерские формы взаимосвязей и отношений. В эпоху же расцвета полисной государственности (классическая Античность) широкое распространение получило такое выходящее за рамки политической жизни явление, как частные союзы и коллегии (*гетериум, фиасы, симпозионы, сисситии* (греч.); *коллегии, товарищества, корпорации, братства* (лат.)). Анализируя социальный срез развития античной культуры, Г. С. Кнабе подчеркивает, что человек рассматриваемого времени никогда не выступал как изолированный индивид, самостоятельно определявший свое жизненное и общественное поведение, он всегда принадлежал к небольшому человеческому единству – семье, местной общине, дружескому кружку, деловой, ремесленной или религиозной коллегии [8, с. 139]. Характеризуя родную для него *civitas*, Цицерон (I в. до н. э.) говорит о том, что она является соединением тех, кого связывают не только форум и святилища, гражданские права и обязанности, но и дружеские, родственные отношения, дела, предпринимаемые сообща, и выгоды, из них проистекающие (Цицерон. О законах, I, 7, 23; О государстве, I, 25, 39) [9]. Полисный социум фактически представлял собой сеть пересекавшихся родственных, патрон-клиентских, профессиональных и соседских связей, а также отношений деловой и политической дружбы (*amicitia*), облекавшихся в форму персональных союзов. Существование на всех уровнях общественной системы полисного государства подобных микрообществ во многом объясняется психологической потребностью человека в общении, поддержке и защите.

Частные союзы и деловые товарищества выполняли в античной гражданской общине и такие функции, которые в будущем станут прерогативой государства. При отсутствии в полисе и *civitas* административного аппарата широкое распространение получили коммерческие и профессиональные корпорации частных лиц. К примеру, и в Афинах, и в Риме на общеполисном уровне действовала система откупов в целях передачи приватным лицам права сбора разнообразных пошлин и податей,

проведения крупных строительных работ, управления общественным имуществом (разработка каменоломен и рудников, эксплуатация *ager publicus*). Римское гражданское право классифицирует коллегии откупщиков (публиканов) как товарищества (*societas*), четко регламентируя правовой режим их деятельности. В Афинах занятие откупами считалось, по словам Л. М. Глускиной, недостойным для граждан, однако «доходы были столь значительными, что это позволяло преодолеть существующие предубеждения» [10, с. 67]. Действительно, судебные ораторы и писатели классической эпохи свидетельствуют о неблагоприятных формах торгов при сдаче на откуп доходных отраслей полисного хозяйства. Для жителей же римских провинций публиканы являлись настоящим бичом, что потребовало учреждения в Риме специальных судов для рассмотрения жалоб провинциалов на зарвавшихся наместников и сборщиков податей. Хорошо известны обвинительные речи Цицерона против наместника Сицилии Верреса, который за годы своего хозяйничанья так разорил этот процветающий остров, что восстановить его в прежнем состоянии стало, по словам оратора, невозможным. Обвинения Цицерона оказались столь убедительными, что Веррес, возместив убытки, вынужден был добровольно удалиться в изгнание (Цицерон. Против Верреса, I, 12; II, 5) [11]. Показательно и наличие в среде городской бедноты многочисленных *collegia tenuiorum*, образованных в целях взаимной материальной поддержки, а в случае необходимости – погребения члена коллегии в соответствии с требованиями обычаев того времени.

В отличие от афинского полиса формированию развитой демократии в римской *civitas* воспрепятствовала не только узурпация нобилитетом доступа к магистратуре, но и прочность традиционных вертикальных связей внутри самого социума. Речь идет об объеме полномочий (*potestas*) глав патриархальных семейных общин и отношениях патроната – клиентелы. Гражданская правоспособность (*caput*) предполагала наличие у римского гражданина трех статусов: свободы (*status libertatis*), гражданства (*status civitatis*) и семейного статуса (*status familiae*). Полноправными гражданами являлись только главы индивидуальных домохозяйств в звании *pater familiae*. Подчинение семьи гражданской общине свидетельствует о существовании иерархии названных статусов: с утратой статуса гражданства, т. е. членства в общине, терялся и семейный статус. Патриархальная семья (*familia*) – естественный микросоциум, характеризовавшийся устойчивыми личными связями, общностью имущества и совместным трудом. В рамках семьи определялся и социальный статус индивида, поскольку наследникам передавались сословная принадлежность отца и, как правило, его профессия.

Один из сыновей наследовал звание домовладыки, что превращало его в собственника фамильного имущества, главу домашнего суда и культа. Индивидуальное домохозяйство (греч. *oikos*; лат. *domus, villa*) являлось основой материальной самостоятельности граждан античного государства. Романист Д. В. Дождев, подчеркивая сопряженность собственности с гражданской правосубъектностью, пишет: «Собственность конституирует субъекта правового общения – свободного индивида, предоставляя его воле сферу непосредственного воплощения и обеспечивая ему материальную независимость и самостоятельность» [12, с. 389]. Юридический институт собственности (лат. *dominium, proprietas*), который римские юристы относили к области частного права, изначально возник в рамках семьи, что нашло отражение в ее названии – *familia pecuniaque*. Данный бином охватывал и подвластных домовладыке членов семьи, и совокупное богатство семьи, главной ценностью которой были земля и домашние животные (*pecus*) (Дигесты Юстиниана, 50, 16, 192) [13]. Описание же данного института и связанных с ним прав сделали на римском материале уже византийские правоведы при подготовке Кодекса Юстиниана (VI в. н. э.). Они определили *proprietas (dominium)* как абсолютное право лица на собственное имущество с широкими распорядительными полномочиями и возможностью защиты в судебном порядке своих прав собственника. В патриархальной семье только ее глава имел такие абсолютные полномочия, что и превращало его в «человека своего права» (*persona sui iuris*). Все подвластные домовладыки квалифицировались как «лица чужого права», они обладали в сфере частного права отраженной правосубъектностью (Дигесты Юстиниана, 50, 16, 39) [13].

Несмотря на то, что в полисном государстве была одержана полная победа права и закона над родовыми и племенными обычаями, частная жизнь граждан в значительной степени определялась нормами религии (*fas*) и правилами национальной традиции, именуемой «заветами предков» (*mores maiorum*). По сути, это был глубоко укорененный в сознании людей неписанный кодекс жизненных установок, которые народ утверждал своими «практическими делами и действиями» (Дигесты Юстиниана, I, 3, 32, 35) [14]. Отношения политической и деловой поддержки (*amicitia*), личного покровительства (*patronatus, tutela*) и персонального гостеприимства (*hospitium*) основывались на предписаниях этой традиции, идущей от предков. Дело в том, что в условиях натурального хозяйства, а также отсутствия социальных программ и действенной правовой защиты отдельной личности разорившиеся общинники, чужаки-переселенцы и лица вне семьи подвергались нещадной эксплуатации и нередко становились обреченными на

гибель изгоями. Чтобы избежать подобной участи, такие люди вынуждены были искать покровительства у состоятельного родственника или представителя какого-либо знатного рода. Это являлось характерной для древности практикой формирования патрон-клиентских отношений господства и подчинения, инструментом регулирования которых выступала священная клятва (*ius iurandum fidei*) о добросовестности намерений участников подобного неформального союза. Содержание священной клятвы сводилось к тому, что произносивший ее брал на себя обязательство придерживаться предписанных богами и заветами предков правил. Антиковед Е. М. Штаерман подчеркивает исключительное значение, которое придавалось в древности клятве и идущим от предков обычаям, объясняя этот феномен «свойством общинных отношений», традиции и установки которых сохранялись и «во все позднейшие времена» [15, с. 211]. Доверие (*fides*) Цицерон называет сущностью богини Юстиции (в языческом пантеоне она символизировала справедливость), «стоящей на страже истинности и неизблемости слов и договоров» (Цицерон. О законах, II, 8, 22) [9]. Нарушение патроном обязательств в отношении клиента предполагало санкцию в виде *инфамии*, т. е. гражданского бесчестья, связанного с редуцией гражданского статуса. По мере развития обязательственных правоотношений, главным источником которых стали частные договоры (*contractus*), обязанности сторон и в этом случае строились на основе принципа добрых намерений (*bona fidei*), в современном понимании – деловой порядочности.

Простота заключения частных соглашений обусловила то обстоятельство, что самые разнообразные персональные союзы облекались в форму патроната. На этой основе образовался особый институт под названием *hospitium*. Чужеземец, находившийся на территории римской общины, прибегал к покровительству какой-либо знатной семьи, содействовавшей деловым интересам гостя, а в случае необходимости – защищавшей его интересы в суде. С возникновением в III в. до н. э. новой подотрасли римского гражданского права – *ius gentium*, т. е. права народов, – союзы гостеприимства получили юридическое оформление и стали фиксироваться письменно. В тексте договора (*foedus*) оговаривались условия беспрепятственного и безопасного пребывания его участников на территории друг друга, что превращало частные соглашения в институт межгосударственных отношений [16]. Контроль за соблюдением норм права народов входил в компетенцию жреческой коллегии фециалов, которые, как и все другие служители языческого культа, отвечали за сохранение мира с богами (*pax deorum*). Действия гражданина, нарушавшие этот мир, создавали, по представлению

римлян, угрозу благополучию всего коллектива общины. Поэтому «веления богов» (*ius divinum*) должны были, отмечает Цицерон, соблюдаться так же тщательно, как и предписания светского *ius*. «Как во внутренних делах, так и во внешних, – восклицал оратор, – никому не может представляться законным то, что магистрат предпринял без одобрения авгуров» (Цицерон. О законах, II, 31) [9]. Право жрецов-гадателей узнавать путем публичных гаданий (*sacra publicum*) отношение языческих богов к земным делам являлось, по сути, религиозной экспертизой: сославшись на неблагоприятные небесные знамения (по словам немецкого ученого Й. Рюпке, «божественное нет»), авгуры могли приостановить голосование в комициях или вообще отменить его результаты [17, с. 34, 42]. Возможность совершать ауспиции и тем самым влиять на политику имели и высшие магистраты Римской республики, что свидетельствует о сакральной основе их власти. Наконец, ритуально-сакральное оформление, сопровождавшее дипломатические действия, присутствовало и при заключении межполисных союзов.

Проведенный выше анализ позволяет сделать вывод о частноправовой природе полисного государства европейской Античности. Это проявилось, во-первых, в деятельности институтов управле-

ния, основанной на устной традиции и разрозненных законодательных актах (условно – неписаная конституция). Во-вторых, сама власть по ряду показателей носила общественный характер, что нашло отражение в ее названии – *honor* (в значении «почетная обязанность, доверенная магистрату гражданским сообществом»). И в-третьих, те социальные функции, которые станут прерогативой развитого государства, в полисе и *civitas* были сосредоточены между главами патриархальных семейств, приватными коллегиями и союзами, разного рода микросообществами, деятельность которых регулировалась нормами частного права. Историческое значение полисного государства (в Греции – несколько сотен городов-государств, включая колонии, в Римской республике – десятки италийских общин под властью гегемонии Рима) состоит в том, что оно сохранило и развило общинные принципы самоорганизации и самоуправления. Это и является изначальной сущностью терминов «демократия» и «республика», подразумевавших прямое народовластие. При этом специфика понятий «гражданин» и «народ» относительно исторических реалий рассматриваемой эпохи заключалась в их восприятии и как политической, и как этносоциальной общности, противопоставленной варварам-чужакам.

Библиографические ссылки

1. Саутхолл Э. О возникновении государств // Альтернативные пути к цивилизации. М. : Логос, 2000. С. 130–136.
2. Дьяконов И. М., Якобсон В. А. Гражданское общество в древности // Вестн. др. истории. 1998. № 1. С. 22–30.
3. Якобсон В. А. Возникновение писаного права в древней Месопотамии // Вестн. др. истории. 1981. № 4. С. 9–20.
4. Аристотель. Политика. Афинская полития. М. : Мысль, 1997.
5. Васильев Л. С. Восток и Запад в истории (основные параметры проблематики) // Альтернативные пути к цивилизации. М. : Логос, 2000. С. 96–114.
6. Кнабе Г. С. Проблема Цицерона // Грималь П. Цицерон : пер. с фр. М. : Молодая гвардия, 1991. С. 5–20.
7. Якобсон В. А. Государство и социальная психология // Вестн. др. истории. 1989. № 4. С. 75–78.
8. Кнабе Г. С. Древний Рим – история и повседневность. М. : Искусство, 1986.
9. Цицерон Марк Туллий. Диалоги. О государстве. О законах. М. : Наука, 1966.
10. Глускина Л. М. Проблемы социально-экономической истории Афин IV в. до н. э. Л. : ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1975.
11. Цицерон Марк Туллий. Речи : в 2 т. М. : Издательство АН СССР, 1962. Т. 1.
12. Дождев Д. В. Римское частное право. М. : Норма, 2011.
13. Дигесты Юстиниана : в 7 т. / отв. ред. Л. Л. Кофанов. М. : Статут, 2005. Т. 7, полутом 2.
14. Дигесты Юстиниана : в 7 т. / отв. ред. Л. Л. Кофанов. М. : Статут, 2002. Т. 1.
15. Штаерман Е. М. Римское право // Культура Древнего Рима : в 2 т. М. : Наука, 1985. Т. 1. С. 210–247.
16. Колосовская Ю. К. Гостеприимство как право народов Древнего Рима // Закон и обычай гостеприимства в античном мире. М. : ИВИ РАН, 1999. С. 49–58.
17. Рюпке Й. Дивинация и принятие политических решений в эпоху Республики // Вестн. др. истории. 2005. № 1. С. 34–48.

References

1. Southall A. [On the emergence of states]. *Al'ternativnye puti k tsivilizatsii*. Moscow : Logos, 2000. P. 130–136 (in Russ.).
2. Dyakonov I. M., Yakobson V. A. [Civil society in the Ancient world]. *Vestnik drevnei istorii*. 1998. No. 1. P. 22–30 (in Russ.).
3. Yakobson V. A. [The emergence of written law in Ancient Mesopotamia]. *Vestnik drevnei istorii*. 1981. No. 4. P. 9–20 (in Russ.).
4. Aristotle. [Politics. Athenian politia]. Moscow : Mysl', 1997 (in Russ.).
5. Vasil'ev L. S. [East and West in history (basic parameters of the problematic)]. *Al'ternativnye puti k tsivilizatsii*. Moscow : Logos, 2000. P. 96–114 (in Russ.).

6. Knabe G. S. [Problem of Cicero]. In: P. Grimal'. Tsitseron. Moscow : Molodaya Gvardiya, 1991. P. 5–20 (in Russ.).
7. Yakobson V. A. [State and the social psychology]. *Vestnik drevnei istorii*. 1989. No. 4. P. 75–78 (in Russ.).
8. Knabe G. S. [Ancient Rome – history and everyday life]. Moscow : Iskusstvo, 1986 (in Russ.).
9. Cicero Mark Tullii. [Dialogues. On the commonwealth. On the laws]. Moscow : Nauka, 1966 (in Russ.).
10. Gluskina L. M. [Problems of social and political life of Athens in IV century BC]. Leningrad : A. I. Gertsen LGPI, 1975 (in Russ.).
11. Cicero Mark Tullii. [Orations] : in 2 vol. Moscow : Publishing house USSR Academy of Sciences, 1962. Vol. 1 (in Russ.).
12. Dozhdev D. V. [Roman private law]. Moscow : Norma, 2011 (in Russ.).
13. Digesta Iustiniani : in 7 vol. Moscow : Statut, 2005. Vol. 7, half 2 (in Russ.).
14. Digesta Iustiniani : in 7 vol. Moscow : Statut, 2002. Vol. 1 (in Russ.).
15. Shtaerman E. M. [Roman law]. *Kul'tura Drevnego Rima* : in 2 vol. Moscow : Nauka, 1985. Vol. 1. P. 210–247 (in Russ.).
16. Kolosovskaya Y. K. [Hospitality as a law of nations of the Ancient Rome]. *Zakon i obychai gostepriimstva v antichnom mire*. Moscow : IVI RAN, 1999. P. 49–58 (in Russ.).
17. Ryupke J. [Divination and political decisions in Roman Republic]. *Vestnik drevnei istorii*. 2005. No. 1. P. 34–48 (in Russ.).

Статья поступила в редколлегию 09.09.2017.
Received by editorial board 09.09.2017.